

Мечты Наташи

В ПАМЯТИ моей сохранился один из декабрьских дней, который довелось встретить в далеком сорок первом в Матвеев-Кургане.

... Морозной ночью наш третий батальон 1137 стрелкового полка, преследуя отступавших немцев, подходил к этому пригнутому селу. Накануне были тяжелые бои, немцы отчаянно огрызались и потому мы были настороже. Разведчики, высланные комбатом Зайцевым, шаг за шагом, готовые ко всему, приближались к черненьшим вдали окраинным домикам. За ними что-то горело, отсветы пламени озаряли холодное небо. Веяло гарью. Где-то надсадно хлопал на ветру сорванный с крыши железный лист. Неожиданно из-за хаты, стоявшей возле дороги, выросла невысокая фигурка. Постоив, она птицей метнулась к нам и восторженный крик разорвал тишину:

— Свои, русский!

Перед нами оказалась девушка. К Наташе ей лет тринадцать.

В легком пальтишке, окоченевшая, она со слезами прильнула к усаду-автоматчику:

— Роденькие, как мы вас ждали!

Автоматчик в сердцах прошепел:

— Замолчи, пацанка, немцы ведь...

— Так нету же, нету их близко; — все так же восторженно повторила она, — удивляют они. Сама видела. Идемте же в хату.

Чуть позже, минуя горящую школу, мы уже подходили к мазанке. Наташа (так называлась наша сопровождающая) радостная, сияющая, едва поднявшись на порог, закурилась около матери.

— Я же тебе говорила, что встречу. Вот, принимай гостей.

Потом потянулась к остаткам календаря, висевшего на стене, сорвала крайний листок:

— Навек сохранию. Ведь сегодня же вы пришли.

ТАК ВОТ и запомнился мне декабрьский день сорок первого.

Остался он в памяти вместе с девушкой в ветхом пальтишке, поджидавшей нас на морозе, вместе с сорванным ею листком календаря. В мазанку, помнится, стали собираться соседи. Рассказывали об издевательствах немцев, поборах, о факельщиках, успевших спалить элеватор, школу, более половины домов. Кто-то показывал синяки от рук немцев, кто-то оплакивал угнанную в Германию дочь. Наташа же юлой вертелась возле бойцов, засыпая их вопросами:

— Школу у нас построят?

— Обязательно! — отвечал усаду-автоматчик.

— И я закончу семь классов?

— А как же.

— И потом куда захочу, туда и пойду работать?

— Само собой разумеется.

— И кино будет?

— Все будет, дочка, все! — уверял боец-автоматчик.

— Прошлым летом, спустя более четверти века после первой встречи, я опять побывал в Матвеев-Кургане. С трудом узнавал я некогда знакомые его улицы. Нарядные домики, так непохожие на прежние мазанки, проглядывали из-за палисадников. Лес телеантенн поднимался над черепичными крышами. Кинотеатр, Дом культуры звали своими афишами. Широкими окнами освещивал обширный больничный корпус, раскинувшийся у Миуса. Я остановился у светлого здания в центре поселка, возле которого мальчишки и девочки играли в мяч. Звонкие их голоса разносились в окрест. И глядя на них — нарядных, счастливых, в памяти ожил хуდешный облик Наташи, и оттуда, из

фронтного далека зазвучал ее голос:

— А школа будет?

Потом я узнал: в поселке теперь не одна, а две средних и школа-интернат, в которых обучается около трех тысяч детей. Есть в нем библиотеки, стадион, детская балетная студия. Все тут для счастья юных. С лихвой сбылись мечты девочки в ветхом пальтишке из сорок первого года! Я, конечно, хотел разыскать и ее. Но на прежнем месте она не жила, а фамилия ее забылась. Старожилы, помогая мне в розыске, называли около десятка других Наташ. Одна из них стала агрономом, другая — учительницей, третья — медиком. Были Наташи повара, библиотекари, каскадеры. Может быть среди них была и та Наташа, которую знал, которая встретила нас, солдат, в сорок первом на окраине родного поселка? Как бы то ни было, верю: и она нашла свое место в жизни. Ведь каждому советскому человеку одинаково светит солнце Конституции.

А. ГОЛУЗОВ

г. Исков.

Пьяный

Со стороны Матвеев-Кургана в направлении села Алексеевки мчится автомобиль «Волга» за номером РОД 98—14, принадлежащая колхозу «Заря». За рулем — Петр Максимович Земляной, он сильно под хмельком, поэтому для него нет ни поворотов, ни правил движения. Рядом с водителем — его жена. Видя впереди крутой поворот, она умоляюще просит мужа: «Петя, тише». Петя внемлет